

Из истории управления From the history of administration

УДК 930.2

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-117-2026-7-33

Неизвестные письма И.В. Сталина

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, SPIN-код РИНЦ: [3908-7388](https://elibrary.ru/authors/39087388),
Nikonov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья представляет собой уникальный источниковедческий и исторический анализ, вводящий в научный оборот ранее неизвестные письма И.В. Сталина, обнаруженные в личном архиве автора. На основе этих документов реконструируются острые внутрипартийные схватки в руководстве большевистской партии в 1925–1927 годах — ключевой период, определивший исход борьбы за власть после смерти В.И. Ленина. Публикуемые письма, адресованные В.М. Молотову, А.И. Рыкову и другим лидерам, проливают новый свет на механизмы принятия политических решений, тактику Сталина по разгрому объединенной оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Каменев) и его оценку международных кризисов (дело Истмена, английская забастовка, китайский вопрос). Особое внимание уделяется драматическим эпизодам: делу Лашевича, «военной тревоге» 1927 года и созданию конспиративного центра оппозиции. Публикуемые письма не только дополняют известную переписку Сталина и Молотова, но и демонстрируют эволюцию сталинской политики от тактики кнута и пряника к полному подавлению любых фракционных выступлений. Публикация писем сопровождается подробным историческим контекстом, позволяющим читателю глубже понять причины окончательного перехода от новой экономической политики (НЭП) к форсированной индустриализации и ужесточению политического режима.

Ключевые слова

Неизвестные письма И.В. Сталина, внутрипартийная борьба, большевистская партия в 1925–1927 годах, механизмы принятия политических решений, тактика Сталина, эволюция сталинской политики.

Для цитирования

Никонов В.А. Неизвестные письма И.В. Сталина // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 117. С. 7–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-117-2026-7-33

Unknown Letters of Joseph Stalin

Vyacheslav A. Nikonov

DSc (Historical Sciences), Dean of School of Public Administration, Nikonov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article presents a unique source-critical and historical analysis, introducing previously unknown letters of Joseph Stalin discovered in the author's personal archive into scholarly circulation. Utilizing these documents, the author reconstructs the fierce intra-party struggles within the Bolshevik leadership in 1925–1927 — a pivotal period that determined the outcome of the power struggle following Lenin's death. The newly published letters, addressed to V.M. Molotov, A.I. Rykov, and other leaders, shed new light on the mechanisms of political decision-making, Stalin's tactics in defeating the united opposition (Trotsky, Zinoviev, Kamenev), and his assessments of international crises (the Istmen affair, the British general strike, the Chinese question). Particular attention is devoted to dramatic episodes: the Lashevich affair, the “war scare” of 1927, and the creation of the opposition's underground center. The published letters not only complement the well-known Stalin–Molotov correspondence but also demonstrate the evolution of Stalin's policy from a carrot and stick approach to the complete suppression of all factional dissent. The publication of the letters is accompanied by extensive historical context, allowing the reader to gain a deeper understanding of the reasons behind the eventual transition from the new economic policy (NEP) to forced industrialization and the tightening of the political regime.

Keywords

Unknown letters of I.V. Stalin, intra-party struggles, the Bolshevik party in 1925–1927, the mechanisms of political decision-making, Stalin's tactics, the evolution of Stalin's policy.

For citation

Nikonov V.A. (2026) Unknown Letters of Joseph Stalin. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 117. P. 7–33. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-117-2026-7-33

Дата поступления/Received: 30.06.2026

Введение

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову — уникальный исторический источник. Они раскрывали святую святых процесса принятия решений в СССР. Известный историк О.В. Хлевнюк считает их «документальным свидетельством особых отношений Сталина и Молотова в этот период»

[Хлевнюк 2000, 272]. Письма эти стали достоянием истории только потому, что Молотов, мой дед, их сохранил. Как ему это удалось сделать, мне до сих пор трудно понять.

Это были в высшей степени секретные по советским временам документы. Бумаги Молотова после его опалы в 1957 году многократно опечатывались и изымались. Но письма Сталина он уберег. Вот что значит опытный подпольщик с большим дореволюционным стажем! Дед сам отнес их в Центральный партийный архив в 1970-е годы.

Во введении к опубликованному в 1995 году сборнику сталинских писем Молотову его составители задавались вопросом: «Сдал ли Молотов в архив все хранившиеся у него документы или лишь часть из них?» В своих биографиях деда я писал, что все. Но я ошибался. Теперь могу точно ответить: не все. После кончины моей старшей сестры Л.А. Молотовой-Королевой в хорошо спрятанных бумагах обнаружилось много ранее мне неизвестных писем. Разобрав их, обнаружил, среди прочего, несколько оригинальных писем Сталина.

Вновь открытые письма имеют отношение к тем острым внутривластным схваткам, которые развернулись в руководстве большевистской партии в 1925–1927 годах. Чтобы лучше разобраться содержание этих писем, поместим их в исторический контекст того времени.

Партия после Ленина

После смерти В.И. Ленина между его наследниками развернулась острая борьба. Она не была безыдейной: это были люди, которые ради своих идей шли на каторгу и под пули. Ключевыми стали вопросы о темпах сворачивания новой экономической политики (НЭП) и методах осуществления мировой революции. Сказанное вовсе не означает, что революционерам, то есть людям, профессионально занимающимся решением вопроса о власти, не важна и власть как таковая.

В партии существовали как минимум четыре основных идеологических течения — слева направо: троцкисты, зиновьевцы, сталинцы, бухаринцы.

Л.Д. Троцкий, в июле 1917 года присоединившийся к партии большевиков, в советском правительстве был наркомом иностранных дел, наркомом по военным и морским делам, председателем Революционного военного совета РСФСР; его не без оснований считали создателем боеспособной Красной армии. Троцкий возглавлял левую оппозицию и Ленину, и тройке других его наследников — И.В. Сталину, Г.Е. Зиновьеву, Л.Б. Каменеву. Из числа троцкистов наибольшим авторитетом пользовались начальник политического управления Красной армии В.А. Антонов-Овсеенко; командующий Московским военным округом Н.И. Муралов; бывший секретарь ЦК, член коллегии Наркомата финансов Е.А. Преображенский; заместитель председателя Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ) Г.Л. Пятаков; член ЦК и Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ) К.Б. Радек, «золотое перо» партии; замнаркома путей сообщения Л.П. Серебряков. Троцкисты доказывали, что с НЭПом давно пора кончать и немедленно приступить к подлинным социалистическим преобразованиям — введению планового хозяйства и индустриализации. «Говоря о темпах роста, он имел в виду обеспечение опережающих темпов роста, во-первых, государственного сектора экономики СССР над частнокапиталистическим и, во-вторых, экономики СССР по сравнению с экономикой капиталистических стран» [Сахаров 2012, 221]. Другим ударным лозунгом стало подталкивание «перманентной мировой революции».

Зиновьев и Каменев были ближайшими сподвижниками Ленина, которым он неоднократно прощал прегрешения и отступления от генеральной линии. Каменев продолжал председательствовать на заседаниях Политбюро, возглавлял Москву и Совет труда и обороны (СТО), которому подчинялись наркоматы финансов, торговли, землеустройства, ВСНХ и Госплан. Зиновьев формально возглавлял Исполком Коминтерна и Ленинградский Совет, но фактически был лицом партии и государства.

Он являлся основным докладчиком на политических форумах: на XII и XIII съездах, на партконференциях, съездах Советов, профсоюзов, на конгрессах Коминтерна. Мнение о нем как естественном преемнике Ленина разделяла вдова — Н.К. Крупская, считавшаяся хранительницей заветов покойного вождя и негативно относившаяся к Сталину.

Из других участников группы Зиновьева — Каменева следует отметить Г.Я. Сокольникова, члена ЦК и наркома финансов; П.А. Залуцкого, секретаря Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома; Г.Е. Евдокимова, заместителя председателя Ленинградского Совета; Я.С. Цейтлина, секретаря ЦК комсомола. Основным оплотом зиновьевско-каменевской группировки был город на Неве.

Эта группировка, как и Троцкий, видела в НЭПе опасность перерождения советской власти и уступок капиталистическому строю. Но, в отличие от троцкистов, Зиновьев, Каменев и их сподвижники не считали, что НЭПу нужно немедленно положить конец, и полагали, что условия для революционных действий за рубежом становились все менее благоприятными.

Представитель более молодой когорты большевиков Н.И. Бухарин считался крупным теоретиком партии, состоял в Политбюро, входил в Президиум ЦИК СССР и Исполком Коминтерна. К моменту смерти Ленина Бухарин «отдрейфовал» с левого на правый фланг партии, где обнаружил идейное родство с А.И. Рыковым, который после смерти Ленина занял пост председателя Совета народных комиссаров, и с М.П. Томским, руководившим профсоюзами.

Бухаринцы полагали, что путь к социализму лежит через рыночные отношения, которые должны быть уничтожены в результате собственного, эволюционного развития. Правые не раз повторяли ленинские слова: «нужны не революционные приемы, а действия реформистские», «НЭП — это всерьез и надолго». И утверждали, что левацкая «вера в революционный фейерверк в Европе должна быть оставлена» [Цит. по: Валентинов 1991, 87, 92]. У правых было немало сторонников в совнаркомовском аппарате, в профсоюзах, среди молодых красных профессоров и руководителей СМИ, сложившихся в своего рода кружок Бухарина.

Что касается сталинской группы, главным механизмом ее влияния выступала партия, система номенклатуры. Помимо самого Генерального секретаря ЦК, костяк сталинской группировки в центральных органах составляли: В.М. Молотов, работавший вторым секретарем ЦК партии; Ф.Э. Дзержинский, кандидат в члены Политбюро, глава ВСНХ и председатель ОГПУ (преемник ВЧК); Я.Э. Рудзутак, секретарь ЦК, член Оргбюро и кандидат в члены Политбюро, нарком путей сообщения; М.И. Калинин, который занимал формально самую высокую должность в стране — председателя ВЦИК, кандидат в члены Политбюро; В.В. Куйбышев, секретарь ЦК, глава Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина) и Центральной контрольной комиссии РКП(б); Л.М. Каганович, руководитель организационно-распределительного отдела ЦК, который занимался расстановкой кадров.

Сталинская группировка имела сильные позиции на Юге страны, что не в последнюю очередь объяснялось кавказскими корнями самого генсека. Из этого региона активно выдвигались: Г.К. (Серго) Орджоникидзе, первый секретарь Закавказского бюро ЦК; А.И. Микоян, который возглавлял Юго-Восточное бюро ЦК, а затем Северо-Кавказский крайком; С.М. Киров, руководивший ЦК компартии Азербайджана.

Сталинцы выступали в роли «партии порядка», источника успокоения общества после бурной революционной и военной эпохи, что было вполне созвучно настроениям уставших партийных масс. В то же время Сталин не разделял идеи правых о защите кулака или их неприятие индустриализации и планирования.

Американский историк Роберт Такер замечал: «Национал-большевизм правых означал, таким образом, приспособление целей и политики режима к образу жизни преобладающе

крестьянского населения и практический отказ от мировой революции, на которую делал ставку Ленин. А поскольку революционные интернационалисты в левом крыле партии во главе с Троцким не желали поступиться ленинским постулатом о том, что окончательный успех революции в отсталой России зависит от революций в более развитых странах, пропасть между двумя группировками была абсолютно непреодолимой. Они были непримиримы друг к другу, и именно благодаря такому глубокому расколу Сталин смог маневрировать на пути к власти» [Такер 2013, 54–55].

Тройка Зиновьев, Каменев, Сталин де-факто руководила страной еще при жизни Ленина. «С января 1923 года тройка начинает осуществлять власть, — свидетельствовал работавший тогда помощником Сталина Б.Г. Бажанов. — Первые два месяца — еще опасаясь блока Троцкого с умирающим Лениным, но после мартовского удара Ленина больше не было, и тройка могла начать подготовку борьбы за удаление Троцкого» [Бажанов 2017, 43]. Тот подтверждал: «Острием своим “тройка” была направлена против меня. Вся задача заговорщиков состояла в том, чтоб, подготовив достаточную организованную опору, короновать “тройку” в качестве законной преемницы Ленина»¹. Тройка доминировала в Политбюро и Совнаркоме, могла провести через Политбюро ЦК или Совнарком любое решение. Профессиональные революционеры со стажем и ближайшие сподвижники Ленина — каждый из участников тройки не без оснований рассчитывал стать первым лицом в государстве.

Помимо тройки, неформальным органом управления страной и партией стала так называемая семерка, о которой Зиновьев публично расскажет уже после того, как окажется в оппозиции. В заявлении объединенному Пленуму ЦК и ЦКК 18 июля 1926 г. он писал: «В эту семерку входили 6 членов Политбюро и т. Куйбышев, а кандидатами были Молотов, Ярославский, Рудзутак, Дзержинский и покойный Фрунзе. Эта фракционная семерка формально была создана в августе 1924 г. (менее оформлено существовала и раньше) на фракционном совещании цекистов и цекакистов... В течение почти двух лет эта семерка была фактически Центральным Комитетом, связывала своих членов внутренней дисциплиной, предreshала все вопросы Политбюро, распределяла людей и т. д.»²

После многомесячного отпуска, последовавшего за бурной «литературной дискуссией» 1924 года, завершившейся предсказуемой победой тройки и семерки, Троцкий 15 мая 1925 года вернулся на работу в Политбюро. Менее чем через неделю он получил назначение на должности руководителя Главного концессионного комитета, Научно-практического управления промышленности и Электротехнического управления. Троцкий был возмущен: «Эти три области ничем не были связаны между собой. Выбор их происходил за моей спиной и определялся специфическими соображениями: изолировать меня от партии, завалить текущей работой, поставить под особый контроль и пр.»³ Сразу же по возвращении Троцкий оказался в центре скандала, получившего название «дело Истмена».

Дело Истмена

Известный в то время американский коммунист и журналист М. Истмен, женатый на сестре наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко и потому вхожий в советский бомонд, провел зиму 1923–1924 года в Москве. Истмен несколько раз встречался с Троцким, горячим сторонником которого являлся. Через год Истмен опубликовал в Нью-Йорке книгу «После смерти Ленина», в которой Троцкий представал единственным творцом российской революции, тройка обвинялась в интриганстве, съезды РКП(б) назывались сборищами «жадной и черствой бюрократии», ЦК —

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: «Панорама», 1991. С. 460.

² Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 943.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: «Панорама», 1991. С. 492.

«шайкой обманщиков и узурпаторов». Приводились также фрагменты из известного «Завещания Ленина» и частное письмо, отправленное Крупской Троцкому сразу после смерти Ленина [Коткин 2022, 224].

Руководство партии не без оснований усмотрело в Троцком и его окружении основной источник откровений Истмена и потребовало разъяснений от Троцкого. Тот ответил Сталину, что не виделся с американским журналистом уже полтора года и не подозревал о его намерении писать книгу. Генсек не поверил и 17 июня 1925 г. обратился с письмом к членам и кандидатам Политбюро, в котором утверждал, что «Истмен превзошел обычных контрреволюционеров и известных шарлатанов белогвардейщины», и предложил Троцкому «решительно отмежеваться от Истмена и выступить в печати с категорическим опровержением»⁴. Уже на следующий день Политбюро поддержало Сталина, и Троцкий пообещал в трехдневный срок представить текст опровержения, что и было сделано. Однако первоначальный текст был признан недостаточно самокритичным, и Троцкий продолжил работу под контролем Бухарина, Зиновьева, Рыкова и Сталина. Троцкий подписал 1 июля длинное заявление, где все вышедшее из-под пера американского журналиста объявлялось «клеветой на партию».

Делом Истмена Сталин продолжил заниматься и после того, как в июле уехал на юг. На хозяйстве он оставил Молотова, через которого передавал руководящие указания по важнейшим вопросам. Защищенной телефонной связи с южными курортами тогда не существовало, отсюда письма Сталина Молотову.

Материалы дела Истмена были изданы отдельной брошюрой и направлены членам ЦК. 11 августа Молотов слал Сталину шифротелеграмму: «Опросом отсутствующих членов семерки голосует следующее предложение большинства наличного состава семерки, принятое против Бухарина и Молотова: “В ответ на запрос ИККИ разрешить делегации РКП(б) передать ИККИ материал, напечатанный Политбюро по вопросу о книге Истмена как доверительный материал для членов ЦК иностранных компаний”. Сталин решительно поправил: «Ты и Бухарин поступили неправильно, голосовав против предложения о документах по Истмену. Нельзя закрыть путь Центральным Комитетам компартий к документам об Истмене»⁵.

Заявление Троцкого и специальное письмо Крупской о «клеветнике Истмене» были напечатаны в левой английской газете «Санди уоркер». Но Сталин не успокаивался и торопил Молотова: «В свое время в 7-ке было решено опубликовать в русской печати статью Троцкого и письмо Крупской об Истмене после того, как они будут напечатаны в зарубежной печати. Так как они уже, должно быть, появились там, а у нас еще не напечатано почему-то, я считаю не лишним напомнить об этом»⁶.

Первое ранее неизвестное письмо Сталина без даты, но по содержанию его можно отнести к лету 1925 года:

«Т. Молотов!

Т. Куйбышев!

Приехал Ворошилов в Мухалатку и передал просьбу Куйбышева разъяснить ему дело с публикацией статьи Троцкого и других материалов об Истмене. Но что же я буду разъяснять? В моих письмах на твое имя сказано все. Бухарин и Рыков знали о нашей позиции с точностью в 100%. Почему они “сфинтили” у вас, не могу понять. Почему Бухарин голосовал против опубликования статей Троцкого и Крупской — ума не приложу. Во-первых, какое они имели

⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 25, 26.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С.40.

право не доводить до сведения нашей партии и сочувствующих нам статей, опубликованных в английской печати и известных стало быть, всем буржуа всех стран? Во-вторых, разве трудно понять, что кто хочет оставить Троцкого в ЦК, тот должен голосовать за публикацию в русской печати статьи Троцкого, тот не должен скрывать от партии некоторых плюсов, имеющихся за Троцким; и, наоборот — только тот может голосовать против публикации в русской печати статьи Троцкого, кто подготавливает вывод Троцкого из ЦК. Публиковать первоначальный проект статьи Троцкого за границей, в нарушение всех решений Ч[етвер]-ки, и не публиковать в русской печати подлинной статьи Троцкого — какая тут логика? У нас было решено опубликовать на английском языке в виде брошюры все материалы об Истмене после опубликования Троцкого за границей и у нас, а некоторые товарищи вроде Зиновьева и Мануильского дело повели так, что опубликован один из важных документов (первоначальный проект Троцкого) до опубликования подлинной статьи Троцкого. Прямо картина!

Что же еще написать об этом всем надоевшем деле? Покажи, пожалуйста, Куйбышеву все мои письма. Пусть прочтет, раз он так интересуется.

Все. Жму руку.

Получил ли мое последнее письмо?

Сталин».

Соответствующая публикация Троцкого вышла в сентябрьском номере журнала «Большевик». Он писал: «Ни один честный рабочий не поверит картине, даваемой Истменом. Он заключает в себе свое внутреннее опровержение. Каковы намерения Истмена — все равно. Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу контрреволюционным орудием»⁷.

Историк Д.И. Апальков утверждает: «История с “делом Истмена” нанесла серьезный удар по репутации Троцкого. Признав Истмена клеветником, он фактически отказывался от многих собственных обвинений в адрес партийного руководства» [Апальков 2022, 67]. Перед массой партийных функционеров Троцкий — в очередной раз — предстал склонившим голову перед ЦК, а перед своими сторонниками — капитулянтом. В то же время Сталин рекомендовал Молотову отмежевываться от планов Зиновьева и Каменева, считавших необходимым форсировать изгнание Троцкого из Политбюро: «Каменев и Зиновьев хотят создать предпосылки, делающие необходимым вывод Троцкого из ЦК, но это им не удастся, ибо нет у них к этому данных. Своим ответом на книгу Истмена Троцкий предопределил свою судьбу, то есть спас себя»⁸.

Дело Истмена будет иметь продолжение. В 1926 году он опубликует полный и аутентичный текст ленинского «Письма к съезду». Как свидетельствовал сам Истмен и выяснили позднейшие исследователи, текст «Завещания» был доставлен гонцом от объединенной оппозиции в Париж Б. Суварину, который убедил Истмена опубликовать его в американской печати [Дойчер 2006, 319]. Перепечатки всеми ведущими газетами мира «Завещания», в котором была выставлена на обозрение изнанка Политбюро, нанесли действительно серьезный урон престижу советского руководства.

Против «новой оппозиции»

Триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева начал рассыпаться уже в 1925 г., и главным камнем преткновения стала предложенная Сталиным теория построения социализма в одной стране. Зиновьев доказывал, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, а на XIV партконференции (апрель 1925 г.) пошел в бой против Сталина, предупреждая об опасности

⁷ Большевик. 1925. № 16. С. 70.

⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 44.

«национальной ограниченности». Это и стало основой для возглавленной Зиновьевым и Каменевым «новой оппозиции».

Крупская, Каменев, Зиновьев и примкнувший к ним Сокольников подготовили сборник статей «Некоторые материалы по спорным вопросам». Издали его «на правах рукописи» и под грифом «Совершенно секретно», стремясь оградить себя от обвинения в развязывании дискуссии. Крупская объясняла, что, по Ленину, НЭП — это «маневр, обходной путь, долженствующий вывести на широкую дорогу, ведущую к социализму... Капитализм — враг бешеный. НЭП и заключается в том, чтобы этого врага держать на крепкой цепи. Если капитализм с цепи у нас сорвется, он свалит советскую власть»⁹ [Жуков 2014, 409–410]. В этом документе, который в дальнейшем именовался «Платформой 4-х», политика ЦК в деревне была названа «политической ошибкой», направленной «в сторону забвения классовой борьбы, в сторону оппортунизма»¹⁰ [Апальков 2022, 73].

XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. был одним из самых жарких за всю историю партии. Зиновьевцы решительно выступили с левой критикой политики ЦК. «Речь идет о таких настроениях, которые можно свести к формуле: какое нам дело до международной революции, мы можем соорудить себе *келью под елью*... Мы должны настойчиво напоминать всем нашим товарищам, что мы останемся *пролетарскими* революционерами, *международными* пролетарскими революционерами, что мы ждем *окончательной* победы только в международном масштабе ... что, победив в одной стране, сделаем максимум возможного для поддержки революционного движениях других странах»¹¹, — утверждал Зиновьев.

Сталин заговорил о двух уклонах: один тянет в сторону мировой революции и расправы с НЭПом, имея в виду троцкистов и зиновьевцев; другой — в сторону защиты кулака, к отрицанию индустриализации и планирования, имея в виду бухаринцев. Именно тогда Сталин заявил: «Вы спросите, какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый и второй уклоны». Но при этом подчеркнул, что партия должна сосредоточить усилия на борьбе с тем уклоном, который преувеличивает кулацкую опасность, поскольку эти идеи гораздо более популярны в партии и за ними стоит авторитет видных лидеров, имея в виду Каменева и Зиновьева¹².

Казалось бы, после того, как «новая оппозиция» явно сместилась влево, она могла рассчитывать на поддержку троцкистов на XIV съезде. Однако этого не произошло. Троцкий на съезде занял позицию третьего радующегося: его скорее забавляло унижение его давних оппонентов Зиновьева и Каменева. Сближение с ними, вспоминал Троцкий, в среде его сторонников «казалось, по меньшей мере, парадоксом. Среди оппозиционеров было немало таких, которые противились этому блоку»¹³.

Сближению троцкистов и зиновьевцев препятствовало и то обстоятельство, что одним из пунктов обвинений «новой оппозиции» в адрес команды Сталина было «покровительство Троцкому»¹⁴.

XIV съезд заканчивал свою работу поздно ночью 31 декабря. «Новая оппозиция» была осуждена. Уже 1 января 1926 года собрался Пленум ЦК, на котором был предложен новый состав Политбюро, в котором не было Каменева, переводимого в кандидаты в члены ПБ, зато впервые появлялись фамилии Молотова, Калинина и Ворошилова. Кандидатами в члены Политбюро становились Дзержинский, Рудзутак, Н.А. Угланов и председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский. В Секретариате ЦК оказались Сталин, Молотов, Угланов и секретарь Сибирского бюро ЦК С.В. Косиор. Каменева назначили наркомом торговли.

⁹ РГАСПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 139. Л. 11–14.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 20, 27.

¹¹ Четырнадцатая конференция РКП(б). Стенографический отчет. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. С. 239–240.

¹² Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 387–388, 390.

¹³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: «Панорама», 1991. С. 494–495.

¹⁴ Дискуссия 1926 года. Материалы и документы. С. 29

По результатам съезда широкая общественность была информирована о ходе дискуссий со страниц партийной печати в сталинско-бухаринской интерпретации. Впрочем, главное внимание было обращено не на полемику, а на объявленный съездом курс на индустриализацию, превращение СССР из отсталой и аграрной страны в передовую и промышленную.

Ленинградский губком 4 января получил постановление ЦК о командировании к ним докладчиками о работе XIV партсъезда Молотова, Калинина, Томского, Андреева, Петровского, Кирова, Ворошилова, Рудзутака. Поражение зиновьевцев было столь полным, что главным докладчиком на XXIII чрезвычайную городскую конференцию, открывшуюся 10 февраля, ЦК не побоялся прислать Бухарина, который был наиболее сильным «аллергеном» для ленинградской организации. Большинство на конференции уже шло за ЦК. Зиновьев в этой ситуации решил в бой не вступать. Тем самым он на время сохранил пост председателя Ленсовета. Решения XIV съезда были одобрены, Киров — избран первым секретарем ленинградской парторганизации.

В среде зиновьевцев, теснимых от рычагов власти, быстро вызревала готовность к союзу с Троцким, к которому, как к мощному политическому магниту, уже подтянулись остатки разгромленных в предыдущие годы группировок децистов, «рабочей оппозиции» и «рабочей группы». Первые месяцы 1926 года прошли под знаком собирания всех левых оппозиционных сил. «Зиновьев и Каменев открыто признали, что “троцкисты” были правы в борьбе против них с 1923 г., — писал Троцкий. — Они приняли основы нашей платформы. Нельзя было при таких условиях не заключить с ними блока, тем более что за их спиной тысячи ленинградских рабочих-революционеров... При первом же свидании со мною Каменев заявил: “Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет”. Я мог только посмеяться над этим бюрократическим оптимизмом»¹⁵.

От критики Троцкого зиновьевцы переходили к его поддержке. Троцкист В. Серж (В.Л. Кибальчич) замечал: «О том же Троцком, которого еще накануне гнусно поносили, они говорили с восхищением и обсуждали подробности его первых встреч с Зиновьевым и Каменевым. Отношения “лучше, чем когда-либо, как в 1918-м”. Зиновьевцы утверждали, что могут рассчитывать на 500–600 подпольно организованных человек»¹⁶.

Платформой альянса троцкистов и зиновьевцев стало неприятие политики сталинско-бухаринского большинства ЦК как мелкобуржуазной. «Сблизило обе эти группы общее им стремление не закрывать глаза на оппортунистические сдвиги, а бороться с ними во имя пролетарской линии партии, — доказывал тогда Троцкий. — Правящая ныне фракция, наоборот, ведет политику постепенного сползания с классовой линии, замазывания сдвигов, умолчания о кулацком уклоне, прикрашивания действительности и пр.»¹⁷

Направлением первого удара по большинству ЦК были выбраны экономическое положение страны и экономическая политика правительства. Казалось бы, валовые индикаторы радовали глаз. Осень 1925 года подарила рекордный урожай. Партийное руководство было уверено, что изобилие хлеба даст возможность держать низкие закупочные и розничные цены, избыток урожая экспортировать, а на полученные доходы заметно увеличить инвестиции в промышленность. Но ничего подобного не произошло. У накопивших большие запасы зерна зажиточных крестьян не оказалось стимула его продавать. Снижение сельхозналога и без того дало селянам какие-то деньги, покупать в стране особо было нечего, и хлеб в амбаре выглядел более привлекательно, чем пачка банкнотов. План хлебозаготовок был безнадежно провален, что вызвало еще большие разногласия в верхах и столкнуло плохо совместимые (или вовсе не совместимые) задачи индустриализации и

¹⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: «Панорама», 1991. С. 495.

¹⁶ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург: Праксис, 2001. С. 258.

¹⁷ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. М.: Терра, 1990. С. 73.

планирования, с одной стороны, и продолжения нэповской рыночной политики, ориентированной на индивидуальные крестьянские хозяйства, с другой.

Государственные вложения в промышленность не только не выросли, а сократились с 1,1 млрд руб. до 700–800 млн. А частные инвестиции были исключены: в партии не было сторонников допуска предпринимательского капитала в крупную промышленность.

Взаимодействие частнопредпринимательских структур с государством приводило к тому, что коррупция процветала пышным цветом. Нарастали социальные проблемы в городах, критики НЭПа получали все новые подтверждения своей правоты на фоне безработицы, резкой имущественной дифференциации, спекуляции, перебоев в снабжении.

Эти широко распространившиеся разочарование, ощущение того, что дела идут в неверном направлении, и стали эмоциональным фундаментом наступления оппозиции. Роль тарана взял на себя Троцкий. С февраля 1926 г. он заметно активизировался на заседаниях Политбюро, регулярно выступая по социально-экономическим вопросам и напоминая собравшимся о своем лозунге времен XII съезда РКП(б) о «диктатуре промышленности». Троцкий утверждал: «СССР слез с пролетарских рельсов. Политика партийного руководства сдвинула свой классовый стержень: от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от батрака и бедняка к кулаку. За спиной аппарата стоит ожившая внутренняя буржуазия» [Цит. по: Валентинов 1991, 142].

Сталинисты поначалу довольно спокойно наблюдали за складыванием объединенной оппозиции, сочетая давление на представителей «новой оппозиции» с игрой в восстановление партийного единства в намерении развести и столкнуть лбами зиновьевцев и троцкистов. Для Каменева, Зиновьева и их ближайших соратников по-прежнему был уготован кнут. На заседании Политбюро 18 марта было решено не возражать против постановления пленума Ленинградского губкома о смещении Зиновьева с поста председателя Ленсовета и замене его на давнего недруга Н.П. Комарова. Каменев энергично протестовал, вновь поднимая вопрос о реализации ленинского «Завещания» об устранении Сталина с поста Генерального секретаря, но безуспешно.

Троцкистам Сталин, напротив, предлагал пряник в виде возможности восстановления отношений. Отголоски этого можно обнаружить в письме Серебрякова Сталину. Оно было опубликовано в «Переписке большевистского руководства». Напомню его:

«Т. С т а л и н!

Я говорил с несколькими товарищами по поводу выраженного Вами от имени нескольких членов ПБюро желания объяснить относительно положения в партии и создать условия более дружной работы под руководством ЦК. Это предложение встретило, конечно, полное сочувствие тех немногих товарищей, с которыми я говорил. Но все они в то же время ставили тот вопрос, который и я Вам ставил. Если ЦК хочет устранить лишние и ненужные к работе тех, которые принимали участие в оппозиции 23 года, то чем же объяснить, что как раз за последние недели так усилилась травля против бывшей оппозиции 23 года, причем все видят, что эта кампания без всяких причин и поводов ведется сверху из МК, и никто не может верить, что это делается без ведома и согласия Секретариата ЦК. Вы говорили несколько раз о настороженности партии, но ведь эта настороженность сейчас именно и создается сверху, ни на чем не основанные подозрения сеются сверху, и атмосфера партии ухудшается.

Все товарищи спрашивают: если ЦК хочет облегчить согласованную работу, то почему как раз в это время усугубляется ничем ровно не вызываемая кампания?

Раз Вы хотите поговорить откровенно, то я и счел себя обязанным перед съездом высказать Вам на чистоту свои величайшие опасения насчет действительных причин тревоги и настороженности партии.

Я говорил с т. т. Троцким, Пятаковым, Радеком. Они выразили полную готовность продолжить разговор, который у т. Бухарина и Вас был с тов. Троцким и у Вас со мною, с целью довести этот разговор до положительных и практических результатов. О времени и месте лучше всего сговориться с тов. Пятаковым.

С ком. приветом

27/III

Л. Серебряков

Пишу письмо потому, что повидаться или поговорить по телефону не удалось.

Л. Сер.»¹⁸

Но какова была реакция на это обращение со стороны Сталина? Ответ на этот вопрос дает следующее обнаруженное мною письмо, которое было адресовано Рыкову и в копиях послано Молотову и Бухарину. К нему было приложено только что процитированное послание Серебрякова:

С. архив (Мол.)

30/III

«Т. РЫКОВУ

27 марта 1926 г.

Копии посылаю Молотову и Бухарину

Дорогой Алеша!

Ты, конечно, знаешь о том, что неделю назад, или немного раньше, т. Троцкий позвал к себе т. Бухарина, жаловался на неопределенность своего положения в партии и просил, чтобы кто-либо из большинства ПБ поговорил с ним. Ты помнишь, конечно, что я, в связи с просьбой т. Троцкого, имел беседу с т. Троцким (по поручению Бухарина, Молотова и твоего) 23 марта. О содержании этой беседы я уже сообщал (т. Троцкий жаловался на неопределенность своего положения. Я не отрицал этой неопределенности, но сказал ему, что в этом виноват сам Троцкий, т.к. неопределенность положения объясняется неопределенностью его позиции в отношении решений XIV съезда, что неясность позиции Троцкого в кардинальном вопросе о решениях съезда создает настороженность в рядах партии, что эту настороженность можно рассеять лишь открытым заявлением т. Троцкого о своей солидарности с решениями съезда, что если он считает для себя возможным сделать такое заявление в одной из своих речей, то тогда недоразумения будут исчерпаны. Т. Троцкий ответил на это весьма дипломатическим отказом). Я тогда уже сказал тебе, что т. Троцкий хитрит и жульничает, подменивая политику политиканством, что он думает перехитрить партию и т. п.

Вчера был у меня Серебряков. Поговорив о своей миссии в Манчжурии, он с места в карьер перешел к вопросу о Троцком и оппозиции 1923 г. Ругань в адрес Каменева и Зиновьева, ряд самых причудливых “комбинаций” с Троцким, некоторое хвастовство насчет силы и удельного веса группы Троцкого, готовность “развести” маклерские махинации, — таково содержание его “речей” в беседе со мной. Я ответил, что: а) мы отвергаем “метод” махинаций и политиканства; б) мы считаем вполне возможным близкое сотрудничество с Троцким и его единомышленниками, если они заявят открыто о своей солидарности с решениями XIV съезда партии; в) без такого акта с их стороны может получиться недостойная игра в группировки и политиканство, на что мы не пойдем ни в коем случае; г) чем скорее сделают троцкисты такое заявление, тем быстрее может быть ликвидировано то неопределенное положение, в которое поставил себя т. Троцкий.

¹⁸ Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 324–325.

В ответ на это я получил сегодня письмо т. Серебрякова, которое при сем прилагаю. Из письма Серебрякова ты увидишь, что: а) троцкисты организованы, как группа; б) они добиваются не мира в партии, а некоторых льготных условий для себя на предмет фракционной борьбы; в) отказываются сделать заявление (открытое) о своей солидарности с решениями XIV съезда партии; г) боятся открытой и честной политики, предпочитая политиканствовать.

Я решил не отвечать. Не стоит, по-моему, отвечать политиканам. Я думаю, что ты с этим согласишься.

И. Сталин».

Троцкий писал тогда выполнявшему посреднические функции Серебрякову: «Я понимал дело так, что частная беседа имеет своей целью устранение обвинений и инсинуаций насчет камня за пазухой и создания условий более дружной работы, разумеется, на почве решений XIV съезда. Правда мне показалось несколько странным, что Сталин, с которым мы вместе работаем в Политбюро, обращается таким кружным путем после того, как у нас с ним был разговор на эти же темы. Но я считал, что было бы нелепо по формально-организационным причинам отказываться от разговора, который Сталин предлагал от определенной части Политбюро (кажется, от имени четырех его членов)»¹⁹. Примирение так и не состоялось.

Тем не менее, во многом идя навстречу Троцкому, сталинцы согласились посвятить следующий — апрельский — Пленум ЦК 1926 г. чисто экономическим вопросам. Молотов расскажет партактиву: «Политбюро перед Пленумом ЦК создало особую комиссию под председательством тов. Рыкова для выработки резолюции к Пленуму... При голосовании в субботу вопроса о принятии резолюции комиссии Рыкова за основу тов. Троцкий и Зиновьев воздержались; все остальные голосовали за то, чтобы принять резолюцию комиссии тов. Рыкова за основу. Когда было назначено на понедельник заседание комиссии Политбюро ЦК для принятия поправок к резолюции, принятой Политбюро, мы получили поправки т. Троцкого в полтора раза большие, чем сама резолюция, и поправки т. Каменева — тоже немножко большие, чем сама резолюция. Было два заседания комиссии, на которых было принято очень мало поправок в дополнение к резолюции тов. Рыкова, и ему было предложено внести предложения на Пленум ЦК»²⁰.

Оппозиция еще не выступала как объединенная. Троцкий был более резок и радикален, предлагая приступить к выработке 5–8-летнего плана развития промышленности и индустриального строительства, увеличить сельхозналог, который «с надлежащим обложением верхов деревни должен явиться одним из важных рычагов в деле правильного перераспределения народнохозяйственных накоплений» в пользу промышленности. При этом Троцкий со всей остротой поднял вопрос о жизненной необходимости ускорения темпов индустриализации в условиях враждебного окружения²¹.

Сталин на апрельском Пленуме возражал оппозиционерам: «Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку вместо того, чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и прогорел. Можем ли мы не считаться с этой опасностью? Можем ли мы не считаться с решением съезда о том, что наши промышленные планы должны соотноситься с нашими ресурсами?»²². Он по-прежнему выступал в защиту деревни от «сверхиндустриализаторов»: «У нас имеются в партии люди, рассматривающие трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто вроде колонии для нашей индустрии. Эти люди — опасные люди, товарищи»²³.

¹⁹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 188.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 67. Л. 17–18.

²¹ Архив Троцкого. Т. 1. С. 215–220.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 110.

²³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 142.

Однако нельзя не заметить, что именно по итогам Пленума Сталин заявил о вступлении страны «в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации». Сталинцы взяли на вооружение тезис Троцкого о решающем значении темпов промышленного роста для выживания страны. «Мы не можем растянуть строительство индустрии на сто лет»²⁴, утверждал на Пленуме Сталин. «Нам нужно расширять нашу индустрию возможно быстрым темпом, увеличивать количество рабочих вдвое, втрое. Нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную, и чем скорее — тем лучше»²⁵, — говорил он сразу после Пленума. «Партия не думает, что черепашьями шагами можно прийти к социализму»²⁶, — доказывал Орджоникидзе.

После года снижения налогов на крестьянство началось их повышение, коснувшееся в первую очередь 15% наиболее зажиточных крестьян. В результате за два года общий объем налогообложения на деревню вырастет более чем вдвое (на 119%), причем вся их тяжесть ляжет именно на зажиточных крестьян, как того и добивалась оппозиция. Отход от НЭПа начался.

Следует заметить, что Троцкому на апрельском Пленуме и после него досталось от ЦК немало, но все-таки меньше, чем Зиновьеву и Каменеву. Троцкий воспринимался как идейный противник, а Зиновьев — как предатель. Прямо пострадавшим от страстей на Пленуме стал Каменев. 20 апреля МК ВКП(б) предложил Политбюро решить вопрос об освобождении его от обязанностей председателя Московского комитета партии и Губисполкома и назначении на эти должности председателя Главэлектро К.В. Уханова.

На Пленуме и после него оппозиция попыталась добиться открытия внутрипартийной дискуссии, но большинство им этой возможности не предоставило. Однако дискуссия внутри ЦК и без специального разрешения продолжилась, весьма активно и на повышенных тонах.

«Примирение сторон стало невозможным, равно как и совместная сколь-нибудь плодотворная практическая деятельность двух медведей в одной берлоге — советско-хозяйственном аппарате» [Войтиков 2018, 266].

Отражение характера отношений внутри большевистской верхушки в ранее неизвестном письме Сталина от 5 июня 1926 года:

«5/VI-26 г.

Письмо 3-ье.

Копия Молотову

ТОВ. РЫКОВ!

Вчера вечером Серго сообщил мне со слов одного из своих знакомых-москвичей, беседовавшего с Радеком, следующее. Радек будто бы рассказывал этому самому москвичу о том, что:

- 1) Я “имел беседу с Зиновьевым (недавно) в продолжении 7-8-ми часов о каком-то соглашении с новой оппозицией, из чего, видимо, ничего или почти ничего не получилось”;
- 2) Я “имел беседу (“трехчасовую”) с Троцким, из которой тоже ничего не получилось”.

На счет беседы с Троцким (в продолжении одного часа) тебе уже известно (см. два предыдущих письма). Что касается “беседы с Зиновьевым”, то эту утку пускают, видимо, троцкисты (в своих групповых целях), или просто сплетники из “столовой”, а может быть, и новая оппозиция (чтобы набить себе цену). Не надо доказывать, что никаких разговоров, ни на час ни на секунду не вел и не мог вести с Зиновьевым. Хорошо было бы спросить Радека (ты это мог бы сделать) об этой мифической “беседе с Зиновьевым”, чтобы докопаться до авторов этой сплетни. Во всяком случае против сплетни существует лишь одно оружие,

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 108.

²⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. С. 122–123.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 220. Л. 45.

оружие факта, документа, пользоваться которым никогда не вредно. Я и делаю это, обращаясь к тебе настоящим письмом.

Для ориентировки сообщаю, что фамилия знакомого москвича, сообщившего Серго со слов Радека о “беседе с Зиновьевым” - Каспарова (женщина работница женотдела).

И. Сталин».

Терпение Сталина в отношении объединенной оппозиции лопнуло, когда стало известно о создании ее конспиративного центра под руководством Троцкого и Зиновьева. Их представители побывали в Харькове, Одессе, Ленинграде, Свердловске, других городах, где проводили нелегальные собрания, выступали с докладами, распространяли собственные информационные сводки по итогам XIV съезда и апрельского Пленума, инструкции и тезисы с разъяснением платформы оппозиции. Много ли сторонников удалось набрать? По цековским источникам, до 4 тысяч, по троцкистским — 8 тысяч. О деятельности оппозиционеров и их собраний становилось известно ОГПУ. Однако на суд высших партийных инстанций Сталин вынес лишь одно дело — так называемое дело Лашевича.

В дачной местности по Савеловской железной дороге 6 июня собралось около 70 симпатизировавших оппозиции коммунистов Краснопресненского района Москвы во главе с бывшим райкомовским руководителем Г.Я. Беленьким. Главным докладчиком на этой «маевке» выступал видный зиновьевец М.М. Лашевич, занимавший один из высших постов в военной иерархии страны — первого заместителя наркома по военным и морским делам и зампреда Реввоенсовета СССР. Кто-то из участников собрания «настучал» секретарю Краснопресненского РК М.Н. Рютину, а тот — в ЦКК, который объявил Лашевичу строгий выговор с предупреждением и рекомендовал исключить его из членов ЦК.

Наложив дело Лашевича, интерпретированное как готовность оппозиции перейти к нелегальным методам деятельности, на начинавшуюся борьбу по внешнеполитическим вопросам, Сталин в послании Молотову от 15 июня 1926 г. приходил к выводу, что зиновьевцы «вместе с Троцким задумали взорвать партию через ИККИ. Я не очень верю в возможность взрыва, но большая тряска вполне возможна... Хозяйственные дела меня не пугают. Рыков справится с ними. На хозяйственных вопросах ничего, ровно ничего, не выигрывают оппозиционеры... А я думаю, что в скором времени партия набьет морду и Троцкому, и Грише с Каменевым и сделает из них отщепенцев, вроде Шляпникова»²⁷.

Политбюро 17 июня обсудило доклад Молотова «О сроке и порядке дня Пленума ЦК», где четвертым пунктом повестки дня было обозначено «постановление Президиума ЦКК по делу Лашевича, Беленького и др.» При этом ПБ отложило рассмотрение дела Лашевича «до следующего заседания с тем, чтобы на этом заседании постановление... было рассмотрено обязательно»²⁸.

Посланий Сталина на тему борьбы с оппозицией, как выясняется, было тем летом больше, чем известно из «Писем И.В. Сталина В.М. Молотову». В связи с предстоявшим рассмотрением дела Лашевича на Политбюро 18 июня 1926 года Генеральный секретарь писал:

«МОСКВА ЦК ВКП тов. МОЛОТОВУ

Все письма получил, ответ привезет Рудзутак. Мой совет отклонить стенографирование дела Лашевича в Политбюро ввиду предварительного характера решения Политбюро и ввиду того, что на Пленуме будет стенографироваться. В противном случае вопрос потеряет интерес для Пленума и Григорий выйдет из-под удара Пленума. Нельзя ли отложить Пленум еще на неделю. Прочти мое письмо Ярославскому.

Сталин».

²⁷ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 70, 71.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 568. Л. 7.

В соответствии именно с этой рекомендацией Сталина было принято решение не стенографировать рассмотрение дела Лашевича на Политбюро, чтобы донести рассмотрение до Пленума, сохранив интригу. Политбюро 24 июня заслушало доклад Н.М. Янсона о деле Лашевича и постановило вследствие «исключительной важности этого дела с точки зрения единства партии перенести весь вопрос в целом на обсуждение совместного заседания Пленумов ЦК и ЦКК» [Войтиков 2022, 192].

И в тот же день Генеральный секретарь в еще одном ранее неизвестном письме подбадривал своих сторонников, остававшихся в Москве:

«Молотову, Бухарину, Угланову и другим друзьям.

Только что получил письмо Углanova о наших “трудностях”. Сличив это письмо с письмами Бухарина, я стал понимать, что вы, дорогие друзья, задались целью запугать себя трудностями и начинаете ныть. Я не могу иначе понять некоторых пессимистических ноток и почти что панических мелодий в письмах Бухарина, а теперь в письме Углanova. Бросьте все это самозапугивание, друзья! Скажите Бухарину, чтобы он не нервировал людей преувеличенным криком о “хозяйственных и внутрипартийных трудностях”. Наше положение теперь лучше, чем полгода назад. Это несомненно. Вы говорите о хозяйств[енных] трудностях, а я вам скажу, что урожаем мы покроем и перекроем все и всех. Ей-ей. Как же вы забыли эту “мелочь”? Вы говорите о внутрипартийных трудностях, а я вам скажу, что “делом Лашевича” мы перекроем всех противников ЦК, если хорошенько возьмемся за дело. Бог дал нам такой случай, как “дело Лашевича”, — а вы ноете и нервируете себя! Наступило время разгромить оппозицию, и мы их разгромим при помощи Пленума. Ей-ей разгромим.

Ну, жму всем вам руку и желаю вам спокойной уверенности в борьбе и неиссякаемой веры в победу над людьми, которые сами режут себя, создавая “дело Лашевича”.

Как дело с пленумом, когда он откроется? Сообщите, приеду немедленно. А если вы будете так нервничать, я брошу немедленно лечение и приеду без промедления. Когда лидеры нервничают, армия обязательно начинает дрожать.

Ваш И. Сталин

24/VI – 26

Приписки: Чит. М[олотов]

Читал с удовольствием, но считаю, что ни в каком нытье неповинен. Н. Бух[арин]

Подписи Куйбышева и Ярославского».

Но битвы в Москве по-прежнему не давали Сталину покоя. 25 июня он отправил Молотову и «другим друзьям» еще одно письмо, которое сыграло решающую роль во всей саге об объединенной оппозиции:

«1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Тр[оцкий], Раб[очая] оппозиция] и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зин[овьева] оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии;

4) Такая роль выпала на долю группы Зин[овьева] потому, что а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках ИККИ, в) она ведет себя, ввиду этого, наглее всякой другой группы, давая образцы “смелости” и “решительности” другим течениям;

5) Поэтому группа Зин[овьева] является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе...

7) Либо мы этот удар сделаем сейчас в расчете, что Троцкий и другие станут опять лояльными, либо мы рискуем превратить ЦК и его органы в неработоспособные учреждения, а в ближайшем будущем схлопочем себе большую бузу в партии во вред делу и единству...»

Сталин был против того, чтобы «официально объединить Зин[овьева] и Тр[оцкого] в один лагерь, что, может быть, преждевременно в стратегически нерационально сейчас. Лучше бить их по частям. Пусть Тр[оцкий] и Пятаков защищают Зиновьева, а мы слушаем»²⁹.

Дела международные

В 1926–1927 гг. важнейшие поводы для атаки оппозиции давала целая цепь международных событий — в Китае, Великобритании, Польше.

В Китае Гоминьдан и его лидер Чан Кайши сочли себя достаточно сильными, чтобы попытаться объединить страну, предприняв военный поход из Кантона на Север. Советское руководство план гоминьдановского «северного похода» в принципе одобряло как конечную цель военных приготовлений, но не как ближайшую задачу. В Москве не было уверенности в успехе похода, к тому же опасались, что он может спровоцировать интервенцию в Китай ведущих мировых держав. Поддержка планов Гоминьдана означала бы также отказ от ранее утвержденных решений ПБ об опоре прежде всего на Национальные армии Фэн Юйсяна. Не удивительно, что Чан Кайши оказался крайне недовольным Москвой.

Это было одной из причин осуществленного Чан Кайши «переворота 20 марта» 1926 г., когда началось разоружение контролируемых КПК Союза молодых воинов, крестьянских союзов, ряд коммунистов оказался под арестом. «Недвусмысленно направленный против как китайских, так и советских коммунистов (то есть советских военных и политических советников) и их попыток укрепить свое влияние в Гоминьдане, “переворот” ознаменовал усиление власти “правых” гоминьдановцев и центристов на территории, подконтрольной Национальному правительству ГМД», — замечает китаист А.В. Панцов [Панцов 2001, 135]. Именно этот «переворот» был интерпретирован формировавшейся объединенной оппозицией как свидетельство провала политики большинства ЦК, настаивавшего на вхождении КПК в Гоминьдан в рамках политики «единого фронта». В конце апреля Троцкий и Зиновьев обратились в ПБ с требованием разрыва китайских коммунистов с Гоминьданом, что открыло длительный раунд внутрипартийной борьбы по китайскому вопросу. ПБ сочло «такой разрыв совершенно недопустимым» и, напротив, призвало «вести дело к уходу (или исключению) правых гоминьдановцев из Гоминьдана»³⁰.

Еще один повод для столкновений дали события в Англии, где кризис угольной отрасли вызвал выступления и протесты. В Москве левые искренне ждали пришествия британской революции. Троцкий писал в Политбюро: «Англия входит в целую историческую полосу величайших потрясений. Важно не прозевать революционную ситуацию»³¹. Еще больший революционный энтузиазм левые испытали, когда 1 мая 1926 г. Британский конгресс тред-юнионов, чтобы поддержать горняков, призвал все профсоюзы к первой — и единственной — в британской истории всеобщей забастовке. Встали все основные промышленные предприятия.

Четвертого мая Политбюро рекомендовало английской компартии «начать переводить стачку на политические рельсы, выдвинув в подходящий момент лозунги: долой правительство

²⁹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 72–74.

³⁰ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. М.: АО «Буклет», 1996. С. 202; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 55–56.

³¹ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 508. Л. 50–54.

консерваторов, за подлинное рабочее правительство». В распоряжение Генсовета британских тред-юнионов выделялось 250 тыс. рублей якобы от ВЦСПС, который состоял с Генсоветом в партнерских отношениях в рамках профсоюзного Англо-русского комитета единства (АРК). 7 мая ПБ постановило дополнительно «перевести немедля 2 милл. рублей»³². Зиновьев по коминтерновской линии внушал ЦК английской компартии, что необходимо поставить «в центр борьбы вопрос о власти», а «при необходимости выдвинуть лозунг создания Советов рабочих депутатов»³³. Для координации усилий европейского пролетариата в Париж направлялась группа активистов Коминтерна и Профинтерна во главе с Томским и Д. Гумбольдтом (Д.Е. Петровским)³⁴.

Однако 12 мая в результате соглашения правительства С. Болдуина с Генсоветом тред-юнионов и шахтовладельцами всеобщая забастовка была прекращена. В тот же день Томский и Гумбольдт писали Сталину из Парижа: «Дело кончено... Необходимо готовиться к предстоящей борьбе»³⁵. Однако подобная пораженческая позиция, одобренная Сталиным, оказалась неприемлемой для левых, и 14 мая на заседании ПБ Зиновьев потребовал ее пересмотра как акта «небывалой еще в истории международного рабочего движения измены»³⁶. Зиновьев требовал отменить директиву и разрешить ему выступить на эту тему с особой точкой зрения в Исполкоме Коминтерна. ПБ эти требования отклонило. Сталин на следующий же день направил членам делегации ВКП(б) в ИККИ письмо, где обвинил Зиновьева в стремлении блокироваться «со всеми ликвидаторскими и ультралевыми элементами Коминтерна против ВКП»³⁷.

После этого Генсек отбыл в отпуск на Кавказ. Но по мере того, как забастовочное движение в Великобритании шло на спад, политическая борьба вокруг него в Москве только обострялась. Молотов 28 мая информировал Сталина с сильно скрываемым раздражением: «Опять “тезисы”, опять Зиновьев! Тебе посланы тезы Зиновьева об уроках английской забастовки. Что сказать о них? По-моему, это ничтожество и беспринципность вопиющая, а по существу, трусливая жалкая ревизия ленинизма в вопросах тактики Коминтерна... Главное вот что. Больше невозможно терпеть подобные вещи в Коминтерне». Молотов считал, что Зиновьев «берет линию и прямо инициативу на разрыв с Генсоветом, не понимая, что в Англии (где мы боремся за возможность пребывания коммунистов в рабочей партии) это не просто ошибка, а полная политическая невыдержанность»³⁸. Ответа от Сталина не было. 31 мая ПБ перенесло обсуждение тезисов Зиновьева на 3 июня. Тем временем в Москву из Германии после лечения вернулся Троцкий, который «потребовал немедленного разрыва блока с Генеральным советом. Зиновьев, после неизбежных колебаний, присоединился ко мне. Радек был против. Сталин цеплялся за блок, даже его видимость, изо всех сил»³⁹.

Молотов и Бухарин вновь торопили Сталина с ответом, считая позицию Троцкого «отзовистской глупостью»⁴⁰.

Сталин ответил Молотову: «Отложите вопрос еще на неделю и пошлите их к черту... Видимо, они хотят на английском вопросе отыгаться и вернуть все проигранное раньше. Надо их поставить на место»⁴¹. Сталин, излагая Молотову свою оценку происходившего в Англии, приходил к выводу, что «мы имеем не новую полосу бурного натиска революции, а продолжающуюся стабилизацию... Отсюда решительная борьба против Зиновьева и Троцкого, ведущих линию на раскол профдвижения,

³² Политбюро ЦК РКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 120; (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 56–66.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Л. 55а. Л. 97–102.

³⁴ Политбюро ЦК РКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 115–116; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 57–58.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 723. Л. 84.

³⁶ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 2004. С. 367–368; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 73–74.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 858. Оп. 1. Д. 2777. Л. 3.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 756. Л. 102–107.

³⁹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: «Панорама», 1991. С. 501.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

⁴¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 61.

против единого фронта... Отклонение тезисов Гриши может вызвать шантаж на счет отставки, чего пугаться не следует ни в коем случае»⁴².

На бурном заседании Политбюро 3 июня 1926 г. Троцкий и Зиновьев прямо обвинили Сталина, Молотова и Бухарина в правом оппортунизме, обрушились на британскую компартию за хвостизм, неспособность возглавить решительные действия пролетариата, требовали выхода ВЦСПС из Англо-русского комитета. Но Политбюро отвергло «тезисы, представленные Зиновьевым по вопросу об уроках английской всеобщей стачки», и приняло «в основе проект тезисов об уроках английской стачки, предложенный т.т. Бухариным, Молотовым и Томским»⁴³.

После этого на какое-то время поле боя переместилось в Коминтерн, где заседание ИККИ с обсуждением английских дел не по его чину провел Бухарин. Троцкий предложил Исполкому проект резолюции, в которой выражалась уверенность в близости революционных потрясений в Англии, а Политбюро — резолюцию о роспуске АРК, чтобы разорвать «верхушечный блок с оппортунистами». Молотов и Бухарин в ответ провели через Политбюро решение предложить от имени советских горняков созвать АРК для обсуждения вопросов помощи горнорабочим Англии. Молотов сообщал Сталину 22 июня: «Тр[оцкий] и Зин[овьев] все делают, чтобы сорвать А[нгло]-Р[усский] комитет. Из документов увидишь, что мы сопротивляемся этому всячески. Но работать они нам страшно мешают»⁴⁴.

Как же реагировал на это Сталин? Ответ в следующем ранее неизвестном письме от 26 июня 1926 г.:

«26/VI – 26

Т. Молотов!

Не давайте ни за что сорвать Англо-р[усский] Комитет паршивцам из оппозиции. Клеймите их пособниками интервентов и врагами единства профдвижения, ибо кто срывает А.Р. Комитет, тот помогает интервентам и Амстердаму. Отложите вопрос до пленума и не считайтесь ни с какими протестами Тр[оцкого] и Зин[овьева]. Пусть лаются. Держитесь покрепче.

Ваш И. Сталин».

Против объединенной оппозиции

Ожидая боя на внешнеполитическом фронте, сталинцы постарались вынести эту проблематику формально за рамки планировавшегося июльского Пленума ЦК, включив в повестку дня вопросы о перевыборах Советов, жилищной политике, хлебозаготовках и дело Лашевича и Беленького, которое, как становилось все более очевидно, должно было превратиться в дело Зиновьева.

Оппозиция вовсе не была настроена молча ждать развязки. Именно в преддверии июльского Пленума 1926 года она и оформилась как объединенная. Впрочем, до полного единения ей всегда было далеко. Амбиции лидеров давали о себе знать, а старые обиды не забывались. Не так уж неправы были противники оппозиции, когда шутили: «Каменева они терпят, но не уважают. Зиновьева они не терпят и не уважают. Троцкого они не терпят, но уважают»⁴⁵. Это, однако, не мешало зиновьевцам и троцкистам в июле готовиться выступить единым фронтом. Сталинцы предупреждали о последствиях. «Никакой свободы группировок или фракций ни раньше, ни теперь, ни дальше партия допустить не может»⁴⁶, — объяснял Молотов уездным партработникам.

⁴² Там же. С. 62–64.

⁴³ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 2004. С. 376; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 564. Л. 2.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 123.

⁴⁵ Троцкий Л.Д. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 2. С. 258.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 59. Л. 33.

Интрига июльского Пленума 1926 года получилась на редкость драматичной. Главный докладчик по вопросу о хлебозаготовках Каменев выступил с резкой критикой всей хозяйственной политики. Его поддержал зампред ВСНХ Пятаков, доказывавший, что частный капитал в деревне набрал огромную силу и это представляло прямую угрозу советскому строю. Не выдержал председатель ВСНХ Дзержинский, на которого в первую очередь и обращена критика. «Его особенно возбудило, что с такой речью выступил его заместитель, которому он доверял и с которым работал без разногласий, — свидетельствовал Микоян. — Мы сидели с Дзержинским рядом около трибуны. Он мне стал говорить, что больше Пятакова замом терпеть не сможет»⁴⁷.

Дзержинский взошел на трибуну и произнес яркую, предельно раздраженную речь, закончив ее словами: «Конечно, все хорошее исходит только от последователей тов. Троцкого, а все дурное исходит от того, кто с ним не соглашается... Все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и Пленум ведут»⁴⁸. Эти слова, встреченные аплодисментами, стали последними в последнем выступлении Дзержинского. Через три часа — в перерыве между утренним и вечерним заседаниями 20 июля — он умер от разрыва сердца. Для иллюстрации накала царивших на Пленуме страстей достаточно сказать, что, решив сначала закончить на следующий день работу, чтобы похоронить трагично скончавшегося товарища, члены ЦК так и не смогли остановиться.

Куйбышев сделал доклад по делу Лашевича и Беленького, возмущаясь нежеланием Зиновьева отмежеваться от своих сподвижников, ведущих раскольническую политику. Лашевич выступил против попыток привязать к нему Зиновьева и отбивался от обвинений во фракционности. На эффект разорвавшейся бомбы явно рассчитывал сам Зиновьев, поведавший изумленному Пленуму о существовании «семерки», ее «конституции», а также о том, что «Ленин в личном письме к товарищу Сталину рвал с ним товарищеские отношения». Сожалел, что в свое время не послушал совета Ленина о перемещении Сталина с поста Генсека⁴⁹. Троцкий огласил обширное заявление 13-ти членов ЦК, где перечислялись все грехи сталинско-бухаринского руководства⁵⁰.

Крупская вдруг вспомнила, что адресатом ленинского «Письма к съезду» была вся партия, а вовсе не съезд, а потому волю Ленина исказили⁵¹. Каменев и Крупская стали настаивать на чтении прямо в зале «Завещания» Ленина, его писем с критикой Сталина по национальному вопросу и письма Ленина с угрозой разорвать отношения со Сталиным.

Трудно это представить, но Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) вышел на трибуну и... начал читать. Медленно, с расстановкой. Тишина стояла гробовая. Сталин прочел от начала до конца ленинское «Письмо к съезду», письмо Троцкому по нацвопросу и телеграмму Мдивани от марта 1923 года. Сделав драматическую паузу, Сталин оглядел ряды оппозиции и произнес: «Еще что прочесть?» Зал молчал. Члены ЦК и до того знали содержание «Завещания» и свой выбор давно сделали. Не получив ответа на свой вопрос, Сталин уже по собственной инициативе почитал еще письмо Ленина с предложением исключить Зиновьева и Каменева из партии за раскрытие планов восстания Временному правительству в октября 1917 года⁵².

⁴⁷ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 269.

⁴⁸ Дзержинский Ф.Э. Три последних речи / С предисловием В.М. Молотова. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 47, 55, 56, 60, 61.

⁴⁹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14-23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 624–635.

⁵⁰ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 11–23.

⁵¹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14-23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 699–700.

⁵² Там же. С. 702–712.

Партия была сыграна. Пленум принял резолюцию, где утверждалось, что «оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»⁵³. Зиновьев был исключен из состава Политбюро. На освободившуюся вакансию вместо ранее намечавшегося Дзержинского выдвинули Рудзутака. Лашевича отправили заместителем председателя правления КВЖД.

Сразу после Пленума Молотов отправился в отпуск. В начале августа 1926 г. Сталин сообщал ему: «В ПБ сейчас шесть человек: Рыков, Рудзутак, Каменев, Сталин, Троц[кий], Каменев (последний голосует, т.к. никого из кандидатов нет больше в Москве)... Оппозиция в ПБ ведет себя тихо»⁵⁴.

Похоже, к осени 1926 года относится еще одно недатированное письмо, которое Сталин направил Молотову:

«Молотов!

Я узнал, что решение П.Б. о т. Мирзояне в связи с рабочей оппозицией в Баку еще не исполнено. Я узнал, кроме того, что его не хотят исполнять, всячески оттягивая дело и стараясь даже использовать твое, будто бы, молчание или нежелание ответить на запрос Орджоникидзе, как согласие на неисполнение решения П.Б. Это безобразие. Дело может дойти до того, что оппозиция получит возможность обвинить ЦК на съезде в намеренном неисполнении своих собственных решений. Этому безобразию надо положить конец. Надо немедленно обязать Бак[инский] Комитет и Заккрайком незамедлительно провести в жизнь все пункты решения (публикование статьи и т.п.) П.Б. В противном случае будет скандал. Надо попросить ЦКК следить за проведением решения П.Б.

И. Сталин».

О ком и о чем здесь идет речь? Л.И. Мирзоян был участником революционного движения в Баку, председателем Азербайджанского совета профсоюзов, республиканским наркомом труда, секретарем Бакинского комитета КП(б). О чем? Свет проливает выступление Е.М. Ярославского на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1926 года об А.Г. Шляпникове и С.П. Медведеве. Группа Шляпникова — Медведева возникла в 1926 г. из бывших сторонников «рабочей оппозиции» и «рабочей группы».

Ярославский тогда сказал: «Вы, товарищи, знаете, что в 1924 г. Медведев отправил бакинскому рабочему т. Барчуку письмо, в котором заключается целиком меньшевистско-ликвидаторская платформа. Это платформа была в Баку напечатана и роздана сторонникам и послужила основанием для попытки создать подпольно-оппозиционную группу.

Расследование об этой группе велось чересчур долго, постановление о ней было вынесено чересчур поздно, и, когда оно было опубликовано без согласования с ЦК и ЦКК, когда мы об этом узнали, мы послали туда Комиссию в составе тт. Сольца, Ульяновой и Стурюа.

Эта Комиссия на месте ознакомилась со всеми материалами и пришла к убеждению о том, что надо изменить постановление Азербайджанской Контрольной Комиссии, восстановила исключенных из партии и вместе с тем сделала даже выговор руководителям Азербайджанской контрольной комиссии и секретарю Бакинской Контрольной Комиссии т. Мирзояну за поспешное опубликование этого решения без согласования с руководящими органами. Однако это вовсе не означало, что мы основной факт деятельности Медведева и Шляпникова считали сколько-нибудь правильным... Т. Зиновьеву было поручено написать такое письмо, такой разбор. Этого он не сделал,

⁵³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 49–50.

⁵⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 76.

и он потом объяснил, что не считал и не считает возможным выступать против “левого” Медведева, когда у нас есть правые в партии»⁵⁵.

Действительно, Зиновьев давал такое объяснение: «Фракционная семерка выразила мне пожелание, чтобы я написал эту статью. Я не писал ее сначала потому, что был завален другой работой, а отчасти потому, что настроение в семерке было колеблющееся, не было твердого решения обязательно выступить со статьей. Никто в семерке *в течение года* в дальнейшем мне ни разу не напомнил о том, что статью эту написать надо... Ложью является утверждение, будто поручение выступить со статьей против т. Медведева давал мне ЦК нашей партии. Этого не было. Поручение (да и то не вполне определенное) давали мне фракционная семерка, превратившаяся затем в сталинскую семерку»⁵⁶.

Шляпников и Медведев 19 октября направили в ЦК ВКП(б) письмо, в котором заявили о своей непричастности к оппозиции, однако ЦКК 23 октября объявила Шляпникову строгий выговор с предупреждением, а Медведева исключила из партии. После их покаянного заявления с признанием ошибок на Политбюро 29 октября ЦКК отменила свое решение⁵⁷. Что же касается Мирзояна, то с 1926 года он стал секретарем ЦК Компартии Азербайджана и членом Закавказского крайкома.

О каком именно невыполненном решении Политбюро писал здесь Сталин, предстоит выяснить будущим историкам.

В ноябре 1926 года на XV партийной конференции оформили разгром оппозиции, продолжив обвинения во фракционности и нарушении партийной дисциплины. Троцкого и Каменева вывели из Политбюро, Зиновьева сняли с поста председателя Исполкома Коминтерна. Троцкий остался председателем Главного концессионного комитета СССР, Каменев — наркомом внутренней и внешней торговли.

Военная тревога

Следующий раунд внутрипартийной дискуссии, который нашел отражение в ранее неизвестных письмах Сталина, касался во многом международной ситуации. 23 февраля 1927 года последовала знаменитая «нота Чемберлена», в которой советское правительство обвиняли во вмешательстве во внутренние дела Великобритании, в антибританской пропаганде и предупреждали о возможном разрыве в связи с этим дипломатических отношений. Западная пресса заполнилась статьями о том, что нота послужит долгожданным отправным пунктом «священного союза христианского мира» против безбожных коммунистов или подготовки западного общественного мнения к согласованным выступлениям цивилизованных наций против «красной опасности» [Никонова 1963, 173]. Не были для Москвы секретом и попытки Великобритании создать под своей эгидой буферный альянс из пограничных с Россией малых государств [Горохов 2004, 145].

«Наш ответ Чемберлену» не заставил себя ждать. Попытки «говорить с Советским правительством тоном угроз и ультиматумов» были признаны «бесперспективными»⁵⁸. Однако, если в мире «нота Чемберлена» мало что изменила, внутри Советского Союза она сдетонировала кампанию «военной опасности».

«Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц...

И потянуло порохом от всех границ»⁵⁹.

Это ощущение Владимира Маяковского разделяла тогда вся страна.

⁵⁵ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 23, 26 октября 1926 г. Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2025. С. 53.

⁵⁶ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 14-23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 441; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 696. Л. 29-35.

⁵⁷ Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1923-1938. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 462.

⁵⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. III (1925-1934). М., 1945. С. 102.

⁵⁹ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 8. С. 134.

В исторической литературе весьма распространена точка зрения о том, что сталинская группировка специально раскручивала тему «военной опасности» с целью использовать ее против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Сомневаюсь, что это было так. Конечно, для борьбы с оппозицией использовался весь арсенал средств. Однако, во-первых, ощущение опасности, каким бы преувеличенным оно ни оказывалось, было в советской верхушке, лишь за пять лет до этого вышедшей из предыдущей войны, вполне искренним, что хорошо видно из многих документов «для своих». Во-вторых, левая оппозиция была уже не настолько сильна, что ради нее нужно было ставить всю страну на дыбы. В-третьих, военную тревогу левая оппозиция была гораздо сильнее, чем Политбюро, обвиняя именно сталинистов в недооценке опасности нападения на СССР и в недостаточности оборонных усилий.

ЦК 1 июня выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором содержался призыв быть готовыми отразить империалистическую агрессию.

В это время новый международный кризис — на сей раз в отношениях с Польшей, где шла нескончаемая антисоветская кампания и от которой как ближайшей союзницы Англии постоянно ждали неприятностей. 7 июня принявший польское гражданство белогвардеец Б.С. Коверда, работавший, судя по всему, на британскую разведку, застрелил на варшавском вокзале полпреда СССР П.Л. Войкова. В Москве сочли, что речь шла о провокации, призванной вызвать советско-польскую войну, в которую могли бы вмешаться великие европейские державы. На следующий день Сталин писал в шифротелеграмме Молотову: «Получил об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево или, по крайней мере, инцидент со Швейцарией в связи с убийством Воровского». Сталин призвал проявить «максимум осмотрительности» вовне и закрутить гайки внутри страны: «Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концлагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами»⁶⁰.

В ночь с 9 на 10 июня в Москве без суда были казнены 20 заложников из числа бывших дворян [Сорокин 2023, 443].

А оппозиция между тем вынесла свои протестные настроения на улицы. 9 июня на Ярославском вокзале в Москве по поводу отъезда популярного зиновьевца И.Т. Смилги, которому ЦК определил новое полуссылное место службы в Хабаровске, состоялся многотысячный митинг. К провожающим Смилгу и к традиционно многочисленной вокзальной толпе обратились Троцкий и Зиновьев с призывами в духе «Долой сталинскую диктатуру!». В июне по стране нелегально распространялось написанное Радеком воззвание «Термидорианская опасность и оппозиция». Заявление 83-х стремительно превратилось в заявление трехсот, в том числе за счет руководителей дипкорпуса за рубежом.

Накануне июльско-августовского Пленума ЦК КПСС в центре борьбы опять оказался Китай.

После успешного «северного похода» Чан Кайши работавший там политическим советником С.В. Далин замечал, что «начался кризис революции... Силы правых гоминьдановцев, опиравшихся на крупную и среднюю буржуазию, крупных землевладельцев и генералитет гоминьдановской армии, настолько окрепли, что теперь стал актуальным вопрос не о выходе или невыходе коммунистов из Гоминьдана, а об их изгнании из этой партии, о переходе коммунистической партии на нелегальное положение и вооруженном сопротивлении новой контрреволюции...»⁶¹.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2–4об.

⁶¹ Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. М.: Наука, 1975. С. 328–329.

«Однако своеобразие обстановки... заключалось в том, что Чан Кайши не был еще готов довести свои намерения до конца, а коммунистическая партия не была готова к отпору Чан Кайши и крутому повороту в своей тактике. По этой причине состоялся компромисс между новым руководством гоминьдана и коммунистической партией. Для Чан Кайши компромисс означал отсрочку контрреволюционного переворота, для коммунистической партии — выигрыш времени для развертывания рабочего и крестьянского движения»⁶².

С декабря 1926 г. возникла ситуация своего рода двоевластия, когда правительство правого Гоминьдана во главе с Чан Кайши осталось в Наньчане, а левого Гоминьдана — в Ухане. Советские военные и политические советники во главе с М.М. Бородиным по-прежнему отстаивали необходимость сохранения блока компартии с Гоминьданом⁶³.

О значении китайской темы говорит хотя бы тот факт, что ей посвящено больше 90% всей переписки между южной резиденцией Сталина и снова временно исполнявшим обязанности главного партийного начальника в Москве Молотовым летом 1927 г.

Следующее ранее неизвестное письмо Сталин ошибочно датировал 13 июня 1926 г., но очевидно, что речь идет о событиях 1927 г.

«Дорогой Вячеслав!

Письмо от 10/VI получил.

1. Кампания в связи с убийством т. Войкова проходит хорошо. Предпринятые шаги нашли широкий отклик, — значит попали “прямо в точку”. Это хорошо. Хорошо бы продолжать публикацию документов (против консерваторов), но не сразу всех документов, а с интервалами, чтобы держать “общественное мнение” в напряжении. Почему Рыков не ответил на телеграмму Англо-Русского Парламентского комитета в Англии? Случай был хороший, и надо было использовать его в целях демонстрации единства интересов народов Англии и СССР.

2. По вопросу о Тр[оцком] и Зин[ovieвe] твои замечания совершенно правильны. “Советским” работникам свойственно “немножечко” отрываться от партийных масс и судить о партийных делах по тому, как думают о них различные одиночки, снующие в дебрях канцелярий. Не понимаю только двух вещей: а) как могло получиться равенство голосов, если Киров, Каганович, Чудов и другие голосовали за вывод из ЦК; б) что значит твое сообщение об “отложении вопроса до съезда”, — значит ли это, что известное Полит. Бюро о передаче дела Зиновьева в ЦКК – аннулировано, что дело Троцкого (в связи с выступлением в ИККИ) не передано в ЦКК, что Центральной Контрольной Комиссии на дано никаких директив ни о Зиновьеве, ни о Троцком? Что касается гнилых аргументов некоторых наивных политиков, с ними придется иметь дело.

3. По вопросу о Китае надо проявить особую настойчивость. Имеется постановление П.Б. о десяти миллионов долларов. Мы послали уже 3 млн долл. Надо дослать частями остальную сумму. Надо настоять на этом. “Линия” некоторых “осоветившихся” лидеров отмахнуться от Китая – преступна. То же о полит[ической] линии в Китае, - надо бичевать колебания и бесхарактерность отяжелевших “лидеров первого пролетарского государства”, тяготящихся близостью к кит[айской] революции и старающихся кончить дело миром с ЧКШ [Чан Кайши]. Уступать тут нельзя.

4. Хорошо бы собрать точные сведения о проводах – демонстрациях оппозиции в связи с отъездом Смилги и разослать членам ЦК и КПК. Что делает ЦКК, чтобы эти безобразия не повторялись?

⁶² Там же. С. 334.

⁶³ Там же. С. 328.

5. Получил от Бухарина новое “заявление” в ЦК и ЦКК от “неоппозиционеров” с требованием “восстановления” Тр[оцкого] и Зиновьева в правах членов П.Б. “в интересах единства”. Подписей еще нет, но будто бы скоро будет около 300 подписей. Не сомневаюсь, что это есть проделка оппозиции (внушено ею), имеющая целью уловление некоторых наивных дурачков из ЦК и ЦКК, болтающих об “единстве” вне связи с принципиальной базой единства. Возможно, что кой кого удастся им запугать этой проделкой. Спроси Алешу, не думает ли он “солидаризироваться” с авторами “заявления” для ради приобретения популярности “среди всех”, или, по крайней мере – не думает ли он козырнуть когда-либо этим “заявлением”. Возвращаю “заявление”. Прочти.

6. Посылаю телеграмму Ван-Тин-Вею [Ван Цзинвэю]. Посмотри и пошли, ради бога.

7. Лечусь основательно. Чувствую себя хорошо.

Привет.

13/VI-26

И. Сталин

P.S. Особое значение приобретает теперь посылка руководящих людей в Китай. Кого думаете наметить в Китбюро? Меня несколько тревожит торопливость и неосмотрительность Роя. При общей правильности его линии (а линия у него в общем правильная) можно было бы нейтрализовать его (Роя) неэластичность, угловатость, но для этого нужна поправка в виде хорошо подобранной коллегии. Не думаете ли включить в Китбюро КИ Галина? Я думаю, что следовало бы: он стал очень популярен в Китае, и человек он не глупый. Ломинадзе надо включить обязательно. Если Бубнов не поедет, можно ограничиться Бородиным, Роем, Галиным и Ломинадзе. Если Рой потребует особых прав или начнет брыкаться, можно его отозвать, оставив трех: Лом[инадзе], Бородин, Галин. Я боюсь, что Рой будет слишком тормозить Гоминдан и растрясет его раньше времени.

Это опасно.

И. Ст.»⁶⁴

ЦКК, следуя настояниям Сталина, 13–14 июня рассматривала оппозиционную деятельность Троцкого и Зиновьева. Те решительно контратаковали. Линия защиты лидеров левых опять строилась на обвинении партийной верхушки в контрреволюционном термидорианском перерождении, в ставке «на крупного крестьянина, а не батрака, не бедняка... на бюрократа, на чиновника, а не на массу»⁶⁵, а также на личных контрвыпадах против Сталина.

Сталин, ознакомившийся на отдыхе со стенограммой рассмотрения дела, остался крайне недовольным, о чем и сообщал Молотову 23 июня: «Полное впечатление сплошного конфуза для ЦКК. Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий... Решительно протестую против того, что комиссии по обвинению Троцкого и Зиновьева превратилась в трибуну по обвинению ЦК и КИ с заострением “дела” против Сталина, которого нет в Москве и на которого можно ввиду этого вешать всех собак. Неужели эту “стенограмму” отдадут в руки Троцкому и Зиновьеву для распространения! Этого еще не хватало»⁶⁶. Стенограмма у оппозиционеров окажется.

Реакция остававшихся в Москве сталинцев была немедленной. Президиум ЦКК 24 июня 1927 года принял решение рекомендовать следующему Пленуму ЦК исключить Троцкого и Зиновьева из своих рядов. Информация об этом дошла до Сталина, и он ответил в ранее неизвестном письме Молотову, которое не датировано, но я отношу к концу июня 1927 года:

⁶⁴ М. Рой — индийский коммунист и авторитетный деятель Коминтерна. Под псевдонимом Галин работал В.К. Блюхер.

⁶⁵ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 126.

⁶⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 102.

«Дорогой Вячеслав!

1) Получил твои шифровки о выводе «обоих» дворян. Хорошо. Пусть знают, что партия жива и будет жить.

2) Читал телеграммы Чичерина с воем о 20-ти расстрелянных. Чепуха. Расстреливать пачками больше не нужно пока, но что сделано — хорошо. Читал показания расстрелянных англо-шпикиров. Хорошо. У Чичерина нет политич[еского] чутья. Поверил немецким пройдохам и расплакался. Горе-политики.

3) Читал телеграммы из Ханькоу. Фын не верил, видимо, в победу Уханя над Ченджоу и играл в соглашение с ЧКШи, а победа уханцев, как нечто неожиданное, неприятно поразила его. Тоже типус. Теперь особенно ясно, что без разгрома ЧКШи невозможно двигаться вперед. Взятие Пекина может от этого несколько затормозиться, но может быть это к лучшему: после разгрома ЧКШи Фын и другие Фыны станут более сговорчивыми. Надо поскорее создать киттрройку, а там разногласица полная. Лозовского и Роя надо сейчас же убрать оттуда.

Ну, пока все.

Привет. Сталин.

P.S. Мне кажется, что ЧКШ очень ловко использует наличие нашего консула и наших советников в Шанхае, чтобы показать и доказать, что он мало чем отличается от уханцев. Надо думать, что это обстоятельство тормозит разложение тыла и фронта ЧКШ. Возможно, что оно колеблет также Фына и культивирует вообще идею целесообразности компромисса с ЧКШ. Не следует ли как-либо подчеркнуть нашу полную враждебность к ЧКШ (официально, по государственной линии)? Не пора ли убрать из Шанхая нашего представителя? Почему наши советники не уходят из армии ЧКШ. Их во всяком случае следовало бы отозвать поскорее.

И. Ст.»

Как видим, и Сталину становилось очевидно, что участие КПК в левогоминьдановском уханском Национальном правительстве при финансовой поддержке из Москвы не приносило успеха. Командующий войсками уханского правительства Фэн Юйсян уже требовал разрыва с КПК, а затем договорился с Чан Кайши о совместных действиях. Политбюро сочло заключенный Фэном «блок с изменником Чан Кайши» ударом в спину революции⁶⁷.

Оппозиция вновь воспрянула, требуя немедленного выхода КПК из Гоминьдана. Троцкий, Зиновьев и Вуйович 7 июля потребовали экстренного созыва Президиума ИККА для исправления ошибочной линии Коминтерна. Уже на следующий день и само Политбюро фактически согласилось с левыми в необходимости демонстративного выхода КПК из уханского Национального правительства, поскольку его вооруженные силы «фактически стали орудием контрреволюционеров». При этом, правда, оговаривалось, что «выход из Нацпра не означает выхода из ГМД»⁶⁸.

Это отступление Политбюро не вполне понравилось Сталину, который, однако, не стал настаивать на его отмене. Молотову он 9 июля написал: «Я не думаю, что выход из Нацпра и ГМД мог облегчить положение компартии и «поставить ее на ноги». Наоборот, выход облегчит лишь избиение коммунистов, создаст новую разногласицу и, может быть, подготовит даже нечто вроде раскола. Но другого пути нет, и — все равно — в конце мы должны были придти к этому пути». Генсек в том же письме фактически призывал взять КПК на ручное управление: «Пора заняться теперь по-настоящему организацией системы партсоветников при ЦК ККП, при отделах ЦК, при областных организациях в каждой провинции, при отделах этих облорганizations, при комсомоле, при крестотделе ЦК, при военотделе ЦК, при ЦО, при федерации профсоюзов Китая. Нужно вычистить из Китая и Бородин, и Роя, и всех тех оппозиционеров, которые мешают там работать»⁶⁹. Бородин

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 57.

⁶⁸ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919-1943. М.: РОССПЭН, 2004. С. 476; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 65-66.

⁶⁹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 110-111, 115.

и Рой были отозваны, на их место были направлены В.В. Ломинадзе и Г. Нейман, представлявшие в Исполкоме Коминтерна Коммунистический интернационал молодежи и Германскую компартию соответственно.

Сталин 11 июля вновь писал Молотову о китайских делах: «Я думаю, что скоро придется поставить вопрос о выходе из ГМД. Почему — расскажу по приезду»⁷⁰.

Однако события опережали политиков. У Далина читаем: «13 июля 1927 г. ЦК Коммунистической партии Китая опубликовал декларацию об официальном отзыве коммунистов из правительства. На это Политбюро ЦИК Гоминьдана 15 июля ответило своей декларацией, в которой коммунистическая партия обвинялась в военном заговоре против национального правительства и объявлялось об исключении коммунистов из Гоминьдана. Началась “чистка партии и страны” от коммунистов. Исключив коммунистов, Ухань включался в единый фронт контрреволюции, во главе которого стоял Чан Кайши. Контрреволюция проходила под тем же лозунгом, что и в Нанкине: “Долой коммунистов, долой рабочие и крестьянские союзы!” Начался белый террор. Коммунистов, рабочих и крестьян не просто убивали, а обливали керосином, сжигали или же закапывали в землю живыми. Революция 1925–1927 гг. потерпела поражение»⁷¹. Коммунисты, как могли, давали вооруженный отпор. Затем они уйдут в глубинные области Китая, создав там советские районы и свою армию.

Троцкистско-зиновьевская оппозиция после этого уже не замолкала ни на день, клеймя провалы сталинской стратегии и тактики. Троцкий в ряде статей и посланий проводил мысль, что в случае большой войны вожди правящих фракций — «невежественные и бессовестные...» — так же проявят свою некомпетентность. А потому оппозиция продолжит борьбу, чтобы взять дело обороны страны в свои руки [Дойчер 2006, 372–373]. В то же время в Политбюро было направлено заявление группы высших военачальников, которые солидаризировались с оппозицией и объявляли некомпетентным наркома обороны Ворошилова и неадекватной всю политику военного строительства. Кроме Муралова, возглавлявшего тогда военно-морскую инспекцию, заявление подписали комкор В.К. Путна, военный советник в Китае В.М. Примаков и другие, которые останутся у Сталина на очень большом подозрении.

Вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК был поставлен на июльско-августовском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Выступавший по этому вопросу Орджоникидзе инкриминировал им «распространение всякой клеветы против партии посредством оппозиционной литературы, в которой возводятся небывалые обвинения на партию, обвинения в термидорианстве, в предательстве и т. д. Открыто организуются фракции»⁷². Однако после жарких дискуссий Пленум постановил оставить Зиновьева и Троцкого в составе ЦК, учитывая, что они сочли «необходимым отступить, отказаться от ряда своих ошибок и согласиться в основном, хотя и с оговорками, на предложение Пленума ЦК и ЦКК, дав соответствующее “заявление”»⁷³. Через год Зиновьев и Каменев поведуют Бухарину, что хотели капитулировать на июльско-августовском Пленуме, но «их унесли силы подспудные и логика борьбы» [Жуков 2021, 419].

Третьего сентября 1927 года 13 членов ЦК и ЦКК под руководством Зиновьева и Троцкого внесли на соединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)», где говорилось, что «Группа Сталина ведет партию вслепую» [Войтиков 2022, 281–282].

Решающее столкновение произошло 7 ноября 1927 года, когда объединенная оппозиция попыталась использовать празднование 10-летия Октябрьской революции для захвата власти.

Но неизвестных писем Сталина на этот счет у меня нет.

⁷⁰ Там же. С. 116.

⁷¹ Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. М.: Наука, 1975. С. 345.

⁷² Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. Документы и материалы. В 2 кн. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Кн. 2. С. 10.

⁷³ Там же. С. 285.

Список литературы:

- Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М.: АИРО-XXI, 2022.
- Бажанов Б.Г. Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М.: Алгоритм, 2017.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М.: Терра, 1991.
- Войтиков С.С. История противостояния: ЦК и Совнаркоме? М.: Вече, 2018.
- Войтиков С.С. Сталин против Зиновьева. М.: Вече, 2022.
- Горохов В.Н. История международных отношений 1918–1939. М.: МГУ, 2004.
- Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2006.
- Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М.: Аква-Терм, 2014.
- Жуков Ю.Н. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. М.: Концептуал, 2021.
- Коткин С. Сталин. В 3 т. Т. 1: Парадоксы власти, 1878–1928. В 2 кн. Кн. 2. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.
- Никонова С.В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. 1924–1927. М.: Наука, 1963.
- Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.
- Сахаров В.А. На распутье. Дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества (1921–1929). М.: Аква-Терм, 2012.
- Сорокин А.К. История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. В 2 т. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2023. Т. 1.
- Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2013.
- Хлевнюк О.В. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М.: Звездапад, 2000. С. 272–290.

References:

- Apal'kov D.I. (2022) *Vnutripartiynaya bor'ba v VKP(b): ot «kollektivnogo rukovodstva» k stalinskoy diktature* [The internal party struggle in the CPSU(b): From “collective leadership” to the Stalinist dictatorship]. Moscow: AIRO-XXI.
- Bazhanov B.G. (2017) *Bor'ba Stalina za vlast'. Vospominaniya lichnogo sekretarya* [Stalin's struggle for power. Memoirs of a personal secretary] Moscow: Algoritm.
- Deutscher I. (2006) *The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Gorokhov V.N. (2004) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy 1918–1939* [History of international relations 1918–1939]. Moscow: MGU.
- Khlevnyuk O.V. (2000) Stalin i Molotov. Yedinolichnaya diktatura i predposylki «oligarkhizatsii» [Stalin and Molotov. One-man dictatorship and the prerequisites for “oligarchization”]. *Stalin. Stalinizm. Sovetskoye obshchestvo*. Moscow: Zvezdopad. P. 272–290.
- Kotkin S. (2022) *Stalin. V 3 t. T. 1: Paradoksy vlasti, 1878–1928. V 2 kn. Kn. 2* [Stalin. In 3 vols. Vol. 1: Paradoxes of power, 1878–1928. In 2 books. Book 2]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Nikonova S.V. (1963) *Antisovetskaya vneshnyaya politika angliyskikh konservatorov* [The Anti-Soviet foreign policy of the British Conservatives] 1924–1927. Moscow: Nauka.

- Pantsov A.V. (2001) *Taynaya istoriya sovetsko-kitayskikh otnosheniy. Bol'sheviki i kitayskaya revolyutsiya (1919–1927)* [The secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow: Muravey-Gayd.
- Sakharov V.A. (2012) *Na rasput'ye. Diskussiya po voprosam perspektiv i putey razvitiya sovetskogo obshchestva (1921–1929)* [At a crossroads. Discussion on the prospects and ways of development of Soviet society (1921–1929)]. Moscow: Akva-Term.
- Sorokin A.K. (2023) *Istoriya odnogo pravleniya. Stalin v 1917–1953 gg. V 2 t.* [The history of one government. Stalin in 1917–1953. In 2 volumes]. Moscow: AFK «Sistema»; Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 1.
- Tucker R. (2013) *Stalin in Power. The Revolution from Above. 1928–1941.* Moscow: Tsentrpoligraf.
- Valentinov N.V. (1991) *Nasledniki Lenina* [Lenin's heirs]. Moscow: Terra.
- Voytikov S.S. (2018) *Istoriya protivostoyaniya: TSK i Sovnarkom?* [The history of the confrontation: The Central Committee and the Council of People's Commissars?]. Moscow: Veche.
- Voytikov S.S. (2022) *Stalin protiv Zinovyeva* [Stalin versus Zinoviev]. Moscow: Veche.
- Zhukov Yu.N. (2014) *Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923–1925 gody* [The flip side of the NEP. Economy and political struggle in the USSR. 1923–1925]. Moscow: Akva-Term.
- Zhukov Yu.N. (2021) *Grigoriy Zinovyev. Otvergnutyy vozhd' mirovoy revolyutsii* [Grigory Zinoviev. The rejected leader of the world revolution]. Moscow: Kontseptual.